

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра восточных языков
45.03.02 Лингвистика

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой ВЯ
_____ Е.В. Беляева
« _____ » _____ 2018 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА
КОЛЛЕКТИВНЫЙ РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ ГЕЙШИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ИНТЕРВЬЮ)

Выпускник	Н.С. Гусева
Научный руководитель	ст. преп. И.А. Рабцевич
Консультант	канд. филол. наук, доц. Е.В. Чистова
Нормоконтролер	А. П. Мутасова

Красноярск 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ КАК ПРЕДМЕТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ.....	6
1.1. Теоретические предпосылки к изучению понятия «речевой портрет».....	6
1.2. Разграничение понятия «речевой портрет» со смежными понятиями.....	11
1.3. Алгоритм описания и моделирования речевого портрета.....	20
1.4. Гейша как представитель японской речевой культуры.....	24
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1.....	30
ГЛАВА 2. ДОМИНАНТНЫЕ ЧЕРТЫ КОЛЛЕКТИВНОГО РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА ГЕЙШИ.....	32
2.1. Характеристика фонетических особенностей речи гейши.....	32
2.2. Характеристика лексических особенностей речи гейши.....	43
2.3. Характеристика синтаксических особенностей речи гейши.....	47
2.4. Особенности речевого поведения гейши.....	51
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2.....	55
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	56
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	59

ВВЕДЕНИЕ

Данная работа, выполненная в рамках антропоцентрической парадигмы современного языкознания, посвящена изучению речевого поведения гейш.

Актуальность исследования обусловлена тенденцией роста научного интереса к антропоцентрическому направлению современной лингвистики, а также интересами формирования профессиональной языковой личности, закономерностей речевого поведения и речевой культуры гейш. Исследование связано с разделами языкознания, изучающими дискурс и языковую личность.

Объектом данного исследования является звучащая речь гейш, в качестве **предмета** исследования служит специфика разноуровневых языковых средств, взаимодействие которых создает своеобразие речевого портрета гейш.

Целью данной работы является выявление доминирующих черт речевого поведения гейш и комплекса языковых средств, которыми они формируются.

Для достижения поставленной цели определены следующие задачи:

- 1) рассмотреть понятия «речевой портрет» и «коллективный речевой портрет» в современной лингвистике;
- 2) выявить соотношение понятия «речевой портрет» со смежными ему понятиями;
- 3) определить основные принципы и модели описания речевого портрета;
- 4) рассмотреть профессиональную общность гейш в японской лингвокультуре;
- 5) проанализировать фонетические особенности речи гейши;
- 6) выделить лексические доминантные черты в речи гейши;
- 7) определить особенности речи гейши на синтаксическом уровне;
- 8) рассмотреть особенности речевого поведения гейш.

В качестве **методов** данного исследования лежит принцип антропоцентрического подхода к языку и речи, а именно: наблюдение, описательный, сравнительный и статистический метод, контент-анализ. Для обработки звучащей речи была использована программа Sony Vegas Pro.

Практическая значимость данной работы заключается в возможности использовать приведенные в нем материалы для изучения особенностей речи и коммуникативного поведения различных профессиональных подгрупп.

Теоретическую базу нашего исследования составили труды Ю.Н. Караулова (1987), Е.А. Земской (2001), М.В. Панова (2002), чьи работы предполагают изучение речевого портрета с учетом факторов, выходящих за рамки лингвистики; работы Т.М. Николаевой (1991), Б.Л. Бойко (2008), М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой (1995), Л.П. Крысина (2001), М.Н. Гордеевой (2008), в которых представлены принципы и модели описания речевого портрета; работы зарубежных авторов М. Умэгики (1950), М. Уэно (2016), С. Кисизэ (1997), Ф. Иноуэ (1995). Транскрипция звучащей речи была выполнена при помощи системы, разработанной М.Л. Макаровым (2003).

Материалом исследования послужили расшифровки видео-интервью гейш. Общее время звучания – 1 час 17 минут. Все интервью датируются 2012-2018 гг.

Структура работы. Выпускная квалификационная работа состоит из введения, двух глав, завершающихся краткими выводами, заключения и списка литературы. Во введении сформулированы цель, задачи, объект и предмет исследования, определена научная новизна и практическая значимость работы, указаны методы, использованные при анализе языкового материала, а также указаны сведения об апробации исследования. В первой главе «Речевой портрет как предмет лингвистического изучения» рассматриваются ключевые для данного исследования понятия «речевой портрет» и «коллективный портрет», проводится анализ смежных понятий «языковая личность», «лингвокультурный типаж», «языковой портрет», «коммуникативный портрет», «речевое поведение» и «речевая

характеристика», представлены основные модели и принципы анализа речевого портрета. Во второй главе «Доминантные черты коллективного речевого портрета гейши» представлена характеристика фонетических, лексических и синтаксических особенностей речи гейш, рассмотрены особенности речевого поведения данной профессиональной общности. В заключении изложены результаты проведенного исследования.

Апробация работы. Результаты работы были представлены на Международной научно-практической конференции молодых исследователей «Язык, дискурс, (интер) культура в коммуникативном пространстве человека» (СФУ, Красноярск).

ГЛАВА 1. РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ КАК ПРЕДМЕТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

Теоретические предпосылки к изучению понятия «речевой портрет»

В гуманитарной парадигме научного знания конца прошлого века наметилась тенденция к более полному и комплексному изучению человека. Для современной науки в целом характерно активное развитие антропоцентрического направления, т.е. усиление роли «человеческого фактора», которое «приводит к перемещению фокуса сосредоточения исследовательских усилий с проблем описания языковой структуры в область, центром которой становится человек говорящий» [Седов, 1998]. Как отмечает Е.С. Кубрякова, научные объекты изучаются по их роли для человека и именно человек становится центром в анализе тех или иных явлений, что определяет перспективы и конечные цели этого анализа [Кубрякова, 1995]. Комплекс научных направлений, таких как психолингвистика, прагматическая лингвистика, социолингвистика, онтолингвистика и т.д., объединены общностью объекта исследования, а именно «языковой личностью человека», которая понимается, как «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений ...» [Седов, 1998].

До 60-х годов XX века «речевой портрет» был известен как литературоведческий термин, обозначающий один из способов создания художественного образа. Лингвистические исследования в области речевого портретирования сильно усложнились за последние годы, что привело к дифференциации содержания данного термина по сравнению с тем, как он был трактован изначально.

Непосредственным толчком к разработке понятия «социально-речевой портрет» стала идея фонетического портрета, выдвинутая в середине 60-х гг. XX века М. В. Пановым и воплощенная им в ряде фонетических портретов политических деятелей, писателей, ученых XVIII –XX вв. Хотя эти портреты

описывали индивидуальную манеру произношения отдельного, данного человека, их социальная и общекультурная ценность несомненна, поскольку каждый из портретов отражает особенности речи определенной общественной среды (представителем которой является «портретируемый»). Выбирая «модель» для создания фонетического портрета, М.В. Панов обосновывает свой выбор именно социальными и социокультурными соображениями: принадлежность к тому или иному поколению, социальному слою, следование в речи определенной культурной традиции (театральной, поэтической, бытовой и т.п.), наличие локальных речевых особенностей [Панов, 2002].

Идея фонетического и, шире, речевого портрета была подхвачена другими исследователями. Т.М. Николаева ставит вопрос о построении таких речевых или, в ее терминологии, социолингвистических портретов, в которых был бы компонент, характеризующий тактику речевого поведения: выбор одних элементов (из пар или ряда вариантов) и употребление их в речи в зависимости от условий общения и неупотребление, осознанное или подсознательное отвержение других. Исследователь задается вопросом: «есть ли необходимость при использовании социолингвистического портрета как метод описания речевых характеристик, представлять все уровни языковой системы»? И отвечает на этот вопрос отрицательно, так как многие языковые парадигмы вполне соответствуют общенормативным параметрам и поэтому интереса не представляют. Важность зафиксировать яркие «диагностирующие пятна» [Николаева, 1991].

Г.Г. Матвеева под речевым портретом понимает «набор речевых предпочтений говорящего в конкретных обстоятельствах для актуализации определенных намерений и стратегий воздействия на слушающего» [Матвеева, 1993]. Исследователь также отмечает, что в центре внимания индивидуального речевого портрета находится индивидуальный стиль, отражающий особенности конкретной языковой личности.

Е.А. Земская дает более объемную характеристику данному понятию, определяя «речевой портрет» как «монографическое описание речи отдельных

лиц, характеризуемое пристальным вниманием к ее особенностям, к специфике речевого поведения, учитывающие личные и профессиональные свойства, особенности биографии, условия усвоения языка и т.п.» [Земская, 2001].

О.Г. Алюнина определяет речевой портрет как воплощенную в речи языковую личность определенной социальной общности [Алюнина, 2012].

С.В. Леорда понимает «речевой портрет» следующим образом – это «воплощенная в речи языковая личность» [Леорда, 2006].

По мнению Т. П. Тарасенко речевой портрет – «совокупность языковых и речевых характеристик коммуникативной личности или определенного социума в отдельно взятый период существования» [Тарасенко, 2007].

Нельзя не упомянуть часто используемое определение речевого портрета, приведенного Ю.Н. Карауловым. Согласно Ю.Н. Караулову речевой портрет реализуется в речи языковой личности человека, то есть представляется в речи многокомпонентного и многослойного набора языковых способностей, умений, готовностей к осуществлению речевых поступков разной степени сложности [Караулов, 1987]. Определения Т.П. Тарасенко и Ю.Н. Караулова предполагают исследование речевого портрета в синхроническом аспекте.

На сегодняшний день существует классификация речевых портретов по ряду параметров. Речевые портреты различаются по реальному и вымышленному объекту исследования. Вымышленным объектом исследования может стать литературный персонаж или персонажи, встречающиеся в произведениях определенного автора. Речевые портреты могут классифицироваться по типу материала исследования – материалом может служить как письменная (Романова, 2009, Палойко, 2013) так и устная речь (Стаценко, 2007, Мамаева, 2007). Существуют и исследования, сочетающие в себе анализ письменной и устной речи (Пономаренко, 2007, Тарасенко, 2005).

Существуют полные и неполные речевые портреты в зависимости от степени полноты исследования. Иногда создание полного речевого портрета в силу обстоятельств (недостаточность сведений об объекте исследования, изменчивость объекта во времени и т.д.) может являться трудновыполнимой задачей. В таком случае исследователи могут фокусироваться на создании неполных портретов, подразделяя их на уровневые и фрагментарные. Уровневые портреты предполагают, что исследователь фокусируется на изучении определенного уровня или аспекта языковой личности (например, О.И. Асташова исследует динамический аспект речевого портрета Н.Ю. Белых [Асташова, 2011]). В фрагментарных портретах содержится характеристика закономерных особенностей речевого поведения на всех или отдельных уровнях языковой личности или языкового коллектива. Так, существуют фрагментарные исследования речевого портрета младшего школьника (Тарасенко, 2005), коллективного речевого портрета современного студента (Пономаренко, 2007), старшего дошкольника (Стаценко, 2007) и др.

По Г.Г. Матвеевой речевой портрет, также, как и языковая личность, может быть индивидуальным и коллективным [Матвеева, 1993]. Индивидуальный речевой портрет описывает индивидуальные характеристики конкретной языковой личности (например, речевой портрет депутата Е.В. Ройзмана (Еремина, Потысьева, 2007); речевой портрет Г.Д. Гачева (Сокольская, 2007). При описании такого портрета в центре внимания исследователя оказывается определенный индивидуальный стиль языковой личности, который отражает специфику ее речевого взаимодействия [Юдина, Кузнецова, 2016]. Коллективный речевой портрет позволяет выявить речевые характеристики, присущие определенной профессиональной ([Милехина, 2003], [Романова, 2009]; [Сергеева, 2013]), возрастной, социальной ([Земская, 1990], [Стаценко, 2008], [Михайлюк, 2013]), национальной общности ([Седых, 2011], [Терентьева, 2012]). В качестве примеров коллективного речевого портрета можно привести речевой портрет

современного студента (Леорда, 2006); школьников 5-7-х классов (Мамаева, 2007), современного политического лидера (Алышева, 2012), и т.д.

Н.В. Юдина и Е.А. Кузнецова отмечают, что «коллективный речевой портрет дает возможность обобщить факты, процессы и явления, которые свойственны речи представителей определенного круга» [Юдина, Кузнецова, 2016]. Из этого следует, что под коллективным речевым портретом в данном случае будет подразумеваться комплекс явлений речевой деятельности, которые будут являться общими для конкретной коллективной языковой личности. Другими словами, коллективный речевой портрет подразумевает речевой портрет определенной языковой общности. Согласно приведенной классификации, речевой портрет гейши, создаваемый в данной работе, можно отнести к фрагментарному портрету коллективной языковой личности.

При составлении коллективного речевого портрета важно учитывать, что говорящие в каждый момент своей речи демонстрируют особенности группового речевого поведения. Носитель языка как бы фокусирует в себе черты «коллективных языковых личностей», имея возможность одновременно выступать в роли языковой личности, к примеру, горожанина, студента-словесника, двадцатилетнего юноши и т.п. [Голева и др., 2006].

Обобщая вышесказанное, можно сказать, что понятие «речевой портрет», позволяет выявить характеристики, свойственные не только индивиду, но и коллективу и охарактеризовать коллектив с учетом профессиональных речевых характеристик, сложившихся в определенной культурной среде. Понятие «речевой портрет» сочетает в себе особенности речи, в которых отражаются гендерные, возрастные, психологические, этнокультурные, социальные характеристики личности. Следовательно, изучение речевого портрета должно проводиться с учетом вышеперечисленных параметров.

1.2. Разграничение понятия «речевой портрет» со смежными понятиями

Лингвистические исследования в области речевого портретирования последних лет свидетельствуют о существенном усложнении и дифференциации понятийного содержания термина в сравнении с первоначальной трактовкой. Наметившаяся тенденция использования ряда специальных единиц: *языковая личность, лингвокультурный типаж, языковой портрет, коммуникативный портрет, речевое поведение и речевая характеристика* как полных аналогов речевого портрета приводит не только к терминологической путанице, но и рассогласованности исследовательских процедур. В силу этого попытки разграничения речевого портрета с кругом смежных понятий предпринимаются в большинстве работ данного направления.

Разработка понятия «речевой портрет» началась в тот момент, когда теория языковой личности в своем развитии подошла к вопросу о связи языка и речи в личности.

В этап развития лингвистики, когда начинаются исследования «человека говорящего» и его речевого потенциала, понятие «языковая личность» становится одним из главных в антропоцентрической лингвистике. Значение, в котором оно выступает в области языкознания, сочетает в себе философские, психологические и социологические взгляды на комплекс духовных и физических свойств человека, которые являются социально значимыми и составляют его качественную определенность [Воркачев, 2001].

Ю.Н. Караулов первым определил термин «языковая личность» в его нынешнем понимании. Он пишет, что невозможно познать язык, не выходя за его рамки, не обратившись к конкретной языковой личности. Языковая личность видится «как вид полноценного представления личности, вмещающий в себя и психический и социальный, и этический, и другие компоненты, но преломленные через ее язык, ее дискурс» [Караулов, 1989]. В своих исследованиях Ю.Н. Караулов выделяет три уровня изучения языковой

личности: вербально-семантический (лексикон), когнитивный (тезаурус), мотивационно-прагматический (прагматикон). На вербально-семантическом уровне (нулевом) носитель владеет естественным языком, а его мышление формируется национально-культурными традициями и идеологическими предпочтениями определенного социума. Любому человеку является частью национальной языковой культуры, и в своем вербальном поведении он будет подавать себя подобно остальным людям, принадлежащим данному обществу. Существует известный постулат Вильгельма фон Гумбольдта о соотношении языка и мышления, в основе которого лежит понятие языка как живой деятельности человеческого духа, исходящей из глубин человеческого существа и пронизывающей все его бытие [Вильгельм Фон Гумбольдт, 2000]. Следуя этой мысли, Ю.Н. Караулов, и связывает данный уровень изучения языковой личности с «возможностью выделения в общезыковой картине мира ее общезначимой, ядерной, инвариативной части» [Караулов, 1987].

На когнитивном уровне (первом) предметом исследования языковой личности индивид выделяет различные знания об окружающем мире, что является условием знания личности о себе. Единицами когнитивного уровня являются понятия, идеи, концепты, которые, в свою очередь, складываются у каждой индивидуальности в систематизированную картину мира. Данный уровень охватывает интеллектуальную сферу личности и дает ей отображать фрагменты реального или мыслимого мира в дискурсе.

Ученый отмечает, что на вербально-семантическом уровне время над личностью не властно, ее набор слов и вербально-семантических ассоциаций определяется по «общенациональному языковому типу» и является ее «стандартным устойчивым» компонентом. А на лингво-когнитивном и мотивационном уровнях естественным образом «все течет, все изменяется».

Последний, прагматический уровень (второй) ориентирован на целенаправленность в использовании вербальных актов в социальном взаимодействии людей. На этом этапе, помимо проведения лингвистического исследования, привлекается анализ психологических знаний. Исследователь

задается вопросом, какие поведенческие особенности присущи данному индивиду, какова система ценностей и смыслов в его «языковой модели мира».

Следуя предложенным характеристикам, которые составляют языковую личность, Ю.Н. Караулов разработал последовательность ее описания. Сначала он предложил охарактеризовать «семантико-строевой уровень организации данной языковой личности», другими словами, создать портрет «представителя конкретного языкового строя». Следующим шагом является синтезирование языковой модели мира этого индивида, и составить его тезаурус на основе произведенных им текстов. Последним этапом является выявление скрытых и явных целей, мотивов деятельности, которые находят отражение в процессе создания своих и восприятия чужих текстов [Караулов, 2010].

Однако первым, кто ввел понятие «языковой личности» в науку, был академик В. В. Виноградов [Виноградов, 1980]. Так как ученый был специалистом по художественной литературе, он изучал соотношение языковой личности, художественного образа и образа автора. Г.И. Богин отмечает, что «фактически В.В. Виноградов обобщил результаты понятия «языковой личности», представленного до него в неявной форме» [Богин, 1984]. Ю.Н. Караулов же решил мыслить шире и за основу взял принятое в психологии понятие «личность» и начал рассматривать его как многоплановую дискурсивную единицу, делая акцент на том, какую роль в речепостроении конкретного человека играет взаимоотношение языка и мышления. Языковая личность – это не «частно-аспектный коррелят личности вообще» (как правовая или экономическая личность) [Караулов, 2010], а это совокупность личностных характеристик человека и его вербальных особенностей. В языковой личности на первый план выступает глубинное языковое содержание личности, которое является стимулом к ее развитию и которое дает ей новое самосознание и самоотражение, оно насыщает ее поступки новыми смыслами и разумениями, и в итоге порождает деятеля, который через свое вербальное поведение может влиять на других.

Некоторые исследователи предпочитают придерживаться определения, согласно которому речевой портрет есть языковая личность, воплощенная в речи в конкретном социальном пространстве. «Понятие речевого портрета может рассматриваться с разных позиций, однако при этом большинство подходов трактуют языковой портрет как определенную характеристику языковой личности» [Юдина, Кузнецова, 2016]. Исследование речевого портрета по сути своей является отдельным направлением изучения языковой личности ([Леорда, 2006], [Бабушкина, 2012] и др.).

Таким образом, основным отличием понятия «языковая личность» от понятия «речевой портрет» являются временные рамки анализа функционально-коммуникативных характеристик человека. Речевой портрет можно описывать как статическую величину, которая рассматривается в определенный отрезок времени и которая детерминируется условиями, задающимися особенностями жанра и регистра речи. «Языковой личности» же свойственна динамика в ее развитии. В зависимости от многочисленных и постоянно меняющихся экстралингвистических параметров трансформируется репертуар языковых средств, меняются такие характеристики речи, как общее тематическое содержание, конфигурация межличностных отношений участников коммуникации, отражающаяся на использовании ими в речи «формальной» и «неформальной» лексики, формы речевого общения (устная/письменная, подготовленная/спонтанная речь, монолог/диалог) и т.д. В отличие от «языковой личности» «речевой портрет» предполагает некий срез в развитии коммуникативного потенциала человека, а, с другой стороны, его можно представить как совокупность характеристик, составляющих речевой имидж личности, это то, как традиционно воспринимает и оценивает данного человека общественность, то есть некий стереотипный образ. Эту мысль подтверждает и О.И. Асташова, которая в своем диссертационном исследовании выдвигает проблему «лингвопортретного варьирования конкретной языковой личности» и стремится создать интерпретационную модель анализа, которая бы позволяла

выявить динамику языковой личности, адаптирующуюся к требованиям меняющегося мира [Асташова, 2013].

Мы обратились к работам в области лингвоперсонологии, которые были осуществлены в рамках научной школы В.И. Карасика и О.А. Дмитриевой, а именно, диссертационным исследованиям Е.А. Ярмаховой, А.Ю. Коровиной, И.В. Гуляевой, И.В. Щегловой, А.В. Асадуллаевой, И.С. Шильниковой Т.В. Старцевой, С.В. Поповой: данные работы опираются на программную статью «Лингвокультурный типаж: к определению понятия» [Дмитриева, Карасик, 2005], где понятийность искомого термина раскрыта в сопоставлении со смежными понятиями, такими как речевой портрет. В данных статьях под речевым портретом понимается систематическое описание коммуникативного поведения. Понятие лингвокультурный типаж был представлен шире, то есть речевой портрет не является его частью – это самостоятельно понятие, но может «укладываться» в модель типажа. Лингвокультурный типаж – узнаваемый образ представителей определенной культуры, совокупность которых и составляет культуру того или иного общества [Карасик, 2002]. В исследовательском отношении лингвокультурный типаж является абстрактным ментальным образованием и представляет собой разновидность концепта.

Е.А. Ярмахова считает понятия «коллективный речевой портрет» и «типаж» почти эквивалентными: речевой портрет может быть как индивидуальным, так и коллективным, в последнем случае мы в праве говорить о портретировании типажа [Ярмахова, 2005].

И.В. Гуляева соотносит понятия речевой портрет и лингвокультурный типаж, т.к. они характеризуют человека через призму его коммуникативного поведения; однако, эти понятия не могут быть сведены [Гуляева, 2009].

А.В. Асадуллаева в своих исследованиях опирается на определение Л.П. Крысина: речевой портрет – зафиксированный в языковом материале индивидуальный стиль, служащий для создания определенной модели языковой личности, которая может представлять системное описание

обобщенного представителя той или иной лингвокультуры, а это – основа для формирования типичного образа персонажа. И.С. Шильникова подходит к данному понятию с той же позиции, однако более развернуто: термин «речевой портрет» означает выбор одних элементов из ряда вариантов, характеризующих речевое поведение и употребление их в речи в зависимости от условий общения и неупотребление, осознанное или подсознательное отклонение других. Это социально маркированные способы выбора и употребления языковых средств и особенностей речевого поведения индивида [Шильникова, 2010]. Позиция похожа на определение Е.А. Ярмаховой. В работах 2012 года (Т.В. Старцева, Е.А. Попова) лингвокультурный типаж соотносится с такими когнитивными единицами, как стереотип и концепт.

Л.Б. Бойко интерпретирует связь моделей речевого портрета и лингвокультурного типажа следующим образом: «если идти от человека к языку, речевым средствам, то на первый план выдвигаются проблемы его принадлежности к социуму, культуре, субкультуре... Движение в обратном направлении ведет к созданию социально-речевого образа, портрета говорящего или группы людей, принадлежащих к тому или иному социуму, субкультуре [Бойко, 2009].

Е.В. Иванцева наиболее четко разграничивает понятия «языковой портрет» и «речевой портрет»: методики реконструкции языковой личности предполагают воссоздание компонентов ее облика, сведений о которых нет у исследователя, тогда как речевое портретирование опирается прежде всего на факты, которые доступны непосредственному наблюдению. Реконструируются обычно языковые личности прошлого или «обобщенная языковая личность», речевой портрет характеризует наших современников. В первом случае лингвисты опираются только на письменные тексты, в том числе дискурс литературных персонажей; во втором материалом служат все формы речи, хотя чаще рассматривается ее устная разновидность [Иванцева, 2008].

Между понятиями «речевой портрет» и «речевая характеристика» граница оказывается более размытой. Определение речевого портрета в словарях Д.Э. Розенталь и О.С. Ахмановой дается только в литературоведческом контексте, при этом понятие речевой портрет представлено как терминологический дублет речевой характеристики: подбор особых для каждого действующего лица литературного произведения слов и выражений как средство художественного изображения персонажей. В одних случаях для этой цели используются слова и синтаксические конструкции книжной речи, в других средством речевой характеристики служат просторечная лексика и необработанный синтаксис и т. д., а также излюбленные слова и обороты речи, пристрастие к которым характеризует литературный персонаж [Розенталь, 1985]. Речевая характеристика персонажей (речевой портрет) англ. *speech characteristics of characters*. Особый подбор слов, выражений, оборотов речи и т. д. как средство художественного изображения действующих лиц литературного произведения. [Ахманова, 2004]. Во множестве словарей данная специальная единица не вводится, судя по всему, как избыточная.

Определить разницу между коммуникативным и речевым портретом становится еще сложнее: в трактовке О.С. Иссерс коммуникативный портрет предполагает по большей части анализ индивидуальных характеристик речевого поведения [Иссерс, 2000]. В ряде публикаций «коммуникативный портрет» и «речевой портрет» используются как идентичные понятия.

Изучение речевого поведения считается одним из структурных уровней речевого портрета; однако при аспектных и фрагментарных исследованиях речевого портрета, термины уместно рассматривать как контекстные аналоги. Традиционными для направления речевого портретирования являются работы, где ученые предпринимают попытки обобщить уже имеющиеся методологии или матрицы моделирования речевого портрета, либо предлагается своя методология. К работам данного типа можно отнести статьи О.Г. Алюниной, Н.М. Гордеевой, Т.В. Шмелевой, Е.И. Иванцевой.

О.Г. Алюнина считает, что речевой портрет – это воплощенная в речи языковая личность определенной социальной общности. Основой разграничения понятий «языковая личность», «речевая личность» и «речевой портрет» считается необходимость разграничения языка и речи. Целостный речевой портрет языковой личности состоит из иерархически организованной структуры, которая включает следующие компоненты:

- 1) социопсихолингвистический портрет – социальные, психологические, биологические особенности; личные интересы и увлечения;
- 2) особенности речевого портрета на уровне его лексикона: описание и анализ всех системно-языковых уровней;
- 3) особенности речевой культуры – особенности коммуникативного поведения, учет фактора адресата, своеобразие лексики.

Для разграничения речевого портрета и ряда смежных понятий существуют следующие постулаты:

1. Речевое портретирование как процедура опирается на факты, доступные непосредственному наблюдению.
2. Материалом речевого портрета является полный набор дискурсивных практик, т.е. то, из чего складывается речевое поведение индивида (группы), а не удобства для его интерпретации.
3. Речевой портрет не является продуктом деятельности исследователя-лингвиста; он создается (моделируется) задолго до того, как привлекает внимание исследователя; моделируется социальной (профессиональной) группой в ходе реализации стратегии социальной (профессиональной) идентичности, моделируется СМИ и политическими имиджмейкерами, самим индивидом как представителем той или иной социальной общности. В ряде случаев субъектом моделирования начинает выступать социум, модель получает лингвокультурную интерпретацию.

Общей сферой рассмотренных выше понятий является использование для изучения реализации человека в языке, что приводит к тому, что часто границы данных понятий являются нечеткими или между уровнями их анализа

прослеживаются аналогии. Из всех вышеописанных смежных понятий, «речевой портрет» имеет более размытые границы с понятием «языковая личность», что проявляется в описании особенностей индивидуального и коллективного речевого портрета. Большинство ученых проводит разграничение «речевого портрета» и «языковой личности», исходя из широты данных понятий. Также исследователями отмечается, что разница между ними кроется в соотношении языка и речи.

Разграничение вышеперечисленных понятий имеет важное значение на данном этапе работы, когда перед исследователем стоит задача выбора ключевого понятия. Более того, разграничение понятий, которые являются смежными с понятием «речевой портрет», обеспечивает их корректное использование на протяжении всего исследования.

1.3. Алгоритм описания и моделирования речевого портрета

На сегодняшний день существует несколько подходов к созданию и описанию речевого портрета языковой личности. Например, Б.Л. Бойко перечисляет следующие принципы создания речевого портрета:

1. Первый принцип – «вычленение в нем «диагносцирующих пятен», которые и определяют особенности речи.

2. Второй принцип – признание «неоднородности объекта, который означает, что в индивидуальном речевом портрете не обязательно будут явлены наблюдателю все потенциальные языковые и речевые средства.

3. Третий принцип сопряжен со вторым, но за точку отсчета в данном случае принимается речевая активность субъекта. Языковые и речевые средства, реализуемые индивидом в наблюдаемых ситуациях общения, становятся лишь частью потенциального объема, ограниченного в своей реализации некоторым набором ситуаций общения.

4. Четвертый принцип основан на использовании языковой игры для создания условий, в которых могут быть реализованы потенциальные

возможности потретируемого как языковой личности – необходимость ответить шуткой на шутку, отразить речевую агрессию и др.

5. Пятый принцип выходит на проблемы отбора материала исследования. Поскольку языковая личность обнаруживает себя в совокупности текстов, то для ее изучения необходимо обращение к самым разнообразным по статусу речевым произведениям (научные тексты, тексты художественной прозы, тексты непосредственных записей речи информантов и др.) [Бойко, 2008].

Данный принцип вычленения «диагносцирующих пятен» был введен Т. М. Николаевой и на данный момент является одним из ведущих принципов создания речевого портрета. Если некоторые исследователи полагают, что при создании речевого портрета следует изучить все языковые уровни [Мамаева, 2007], Т.М. Николаева отмечает, что создавая речевые портреты, следует опускать общенормативные явления, обнаруживающиеся на всех уровнях языка, вместо этого «важно фиксировать яркие диагносцирующие пятна» [Николаева, 1991]. Развивая идеи Т.М. Николаевой, Л.П. Крысин в статье «современный русский интеллигент: попытка речевого портрета» определяет «диагносцирующие пятна» как «социально маркированные способы выбора и употребления языковых средств» [Крысин, 2001].

Основываясь на принцип выявления диагносцирующих пятен было разработано несколько моделей описания речевого портрета. Также существует модель, разработанная М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой, на основе модели языковой личности Ю.Н. Караулова [Караулов, 1989], которую сами авторы называют «функциональной моделью языковой личности» [Китайгородская, Розанова, 1995] и перечисляют уровни анализа этой модели.

1. Лексикон – на данном уровне отображен уровень владения лексико-грамматическими средствами языка, проводится анализ запаса словосочетаний и слов, использующихся определенной языковой личностью.

2. Тезаурус – на втором уровне происходит отображение языковой картины мира. В процессе разработки речевого портрета особое внимание

уделяется использованию формул разговорной речи, особой лексики и речевых оборотов, благодаря которым языковая личность становится узнаваемой среди других языковых личностей.

3. Прагматикон – включает в себя ряд целей, мотивов, интенций, коммуникативных ролей, которые определяют поведение личности в процессе коммуникации [Китайгородская, Розанова, 1995].

В статье «Речевой портрет и способы его описания» М.Н. Гордеева пишет о том, что «анализ речевого портрета представляет собой характеристику разных уровней реализации языковой личности» [Гордеева, 2008] и приводит в своей работе три уровня описания речевого портрета, которые соотносятся с моделью М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой:

- 1) лексический уровень, при анализе которого рассматриваются особенности словоупотребления;
- 2) уровень, отражающий представления о мире, заключенные в значении слов и выражений – картину мира говорящего;
- 3) уровень коммуникативных ролей, стратегий и тактик [Гордеева, 2008].

Л.П. Крысин предлагает анализировать речевой портрет по принципу поиска диагностирующих пятен:

- 1) анализируются особенности набора языковых единиц: сюда входит фонетика (консонантизм, вокализм); лексика и словоупотребление (частотность слов, оценочные и модальные, просторечные, жаргонные, диалектные слова и словосочетания); синтаксические особенности;
- 2) особенности речевого поведения: формулы общения, прецедентные феномены, языковая игра [Крысин, 2001].

Обобщая результаты анализа существующих способов описания речевого портрета, М.Н. Гордеева делает акцент на особенностях речевого поведения, приводя следующую модель анализа:

- 1) особенности языковых единиц разных уровней;

2) особенности речевого поведения (этикетные формулы, речевые клише, прецедентные феномены, языковая игра):

3) лингвокультурологические особенности (отражение культуры в языке);

4) рефлексия персонажей и метаязыковые пометы [Гордеева, 2008].

Некоторые исследователи предпочитают фокусироваться на изучении одной стороны речи, и занимаются созданием уровневых или фрагментарных речевых портретов. Б.К. Максимов в статье «Речевой портрет молодежи на фоне нашей жизни» исследует употребление жаргонизмов на лексическом уровне [Максимов, 2011]. Е.А. Гончарова рассматривает речь персонажа с точки зрения лексики и синтаксиса: «<...> лексический состав фразы дает представление об образно-понятийной сфере персонажа, а ее синтаксическая организация отражает особенности логико-экспрессивного сцепления образов и понятий в процессе их познания» [Гончарова, 1984]. Удобство неполных речевых портретов объясняется тем, что создание портретов такого рода помогает вычленять в речи изучаемого объекта «диагностирующие пятна», которые могут наиболее полно отразить особенности речевого поведения индивида или языковой общности.

В связи с отсутствием общепринятых принципов создания и единой модели исследования речевого портрета, исследователи далеко не всегда строго следуют предложенной в них последовательности анализа, и чаще всего ограничиваются созданием фрагментарных речевых портретов, фокусируя свое внимание на речевых характеристиках, которые несут в себе некие общие черты языковой личности или коллектива. Как и большинство современных исследований коллективного речевого портрета, данная работа носит фрагментарный характер и основывается на принципе поиска «диагностирующих пятен», введенном Т.М. Николаевой, и модели описания речевого портрета Л.П. Крысина, построенной на основе данного принципа. Выбор данного принципа и модели обосновывается тем, что их содержание соответствует цели и задачам данного исследования.

1.4. Гейша как представитель японской речевой культуры

Прежде чем исследовать речевой портрет гейш, следует отталкиваться от истоков их профессии, так как она содержит в себе определенную отраслевую терминологию, которая дает более конкретное представление о специфике профессиональной деятельности данных представителей японской культуры.

Слово «гейша» в русском языке появилось в результате неправильной транскрипции английского написания слова 芸者 /geisha/. Слово «гэйся» состоит из двух иероглифов: 芸 /gei/ «искусство» и 者/sha/ «человек», таким образом означая «человек искусства» или «человек, обладающий мастерством», «мастерица». Это слово указывает на основную характеристику гейш — это женщины, в совершенстве умеющие развлекать публику с помощью тех приемов, которые были в ходу в XVIII-XIX столетиях — танцем, пением, шутками, в том числе с выраженным эротическим подтекстом. По японскому толковому веб-словарю 三省道 /sanseidō/: «Гейша – женщина, профессия которой развлекать гостей песнями и танцами во время банкета» [三省道]. Слово гейша широко известно за рубежом, однако существуют другие сложные для понимания слова, такие как «гэйко», «гэйки» и «майко»: это связано с диалектическими различиями в словах между центром района Канто Токио и Киото [一郎, 2016].

Данное диалектическое различие имеет немаловажную роль в профессии гейш и их речевом портретировании, так как гейши используют в своей речи 京言葉 /kyōkotoba/ «диалект Киото» или, другими словами, 京都弁 /kyōtoben/ «говор Киото», относящийся к диалектам области Кансай, где расположен Киото – один из крупнейших центров культуры гейш. Особенность данного диалекта в том, что в речи использующих говор Киото проявляется вежливость и элитарность. Согласно исследователю диалектов М. Умэгики, произношение согласных звуков изменилось из-за желания

говорящих быть учтивыми, темп речи из-за этого замедлился, лексически закрепились обходительность; у носителей окружением поощрялась женственность и мягкость [榎垣実, 1950]. При этом впечатление об обходительности можно составить по банкетам с майко, но в повседневной речи горожан темп значительно быстрее, а акцент более выражен [正隆, 2009].

Говор Киото имеет свою классификацию, производимую в зависимости от районов употребления. Наряду с диалектами ремесленников, существует и диалект «ханамати» наречие гейш и майко Гиона (самый известный район проживания и работы гейш).

На данный момент аутентичный говор Киото можно услышать только от гейш и в разговоре с пожилыми жителями города. Исследование 1993–1994 годов показало, что глаголы-связки *どす* /dosu/ вместо общепонского *です* /desu/ постоянно используют 49,2 % респондентов 80–90 лет, а 54,0 % молодежи о таком слове даже не слышали [岸江, 井上, 1997]. Более подробно особенности диалекта, которые употребляются в речи гейш, будут рассмотрены во второй главе нашей работы, так как это является частью речевого портретирования.

В области Кансай, начиная с реставрации Мэйдзи, используются понятия «芸伎» (гэйко), а для ученицы — понятие 舞妓 (майко). Слово 芸伎 (гэйко) имеет два чтения – «гэйги» и «гэйко», но в «Киото существуют два слова «гэйко», которые пишутся разными иероглифами, хотя на других территориях существует обычай использовать слово 芸者 (гейша)» [七色, 2014].

Современная майко - девушка, которая проходит практику подмастерья под названием 仕込み /shikomi/ (обучение) со времени окончания средней школы до 20 лет, другими словами, на этот момент ее называют 半人 /hanjin/ (половина человека), а в районе Канто используют синоним 半玉 /hangyoku/ (полудрагоценный камень) [七色, 2014]. Ученицы токийских гейш называются

«полудрагоценными камнями», так как их время стоит вполонину дешевле, чем время гейши; также имеется общее наименование 御酌 /oshyaku/ «разливающая сакэ».

Перед тем, как стать майко, будущие гейши проходят месяц обучения, в ходе которого они посещают о-дзасики, не принимая участия в банкете, учатся особым техникам общения (в том числе и говору Киото) и играм. Майко «отличается ее характерным броским кимоно и аксессуарами для волос канзаси, а также поясом в стиле дарари: задняя сторона пояса завязана не полностью, а свисает позади майко» [Ueno, 2016].

Основная работа гейш — проведение банкетов в чайных домах, отелях японского типа и традиционных японских ресторанах, где гейша выступает хозяйкой вечеринки, развлекавая гостей. Существует «представление, что о-дзасики является развлечением только для мужчин, но, разумеется, и женщины могут принимать участие равным образом» [Ueno, 2016].

お座敷 /ozashiki/ (о-дзасики) – это банкет в традиционном стиле, дословный перевод которого - «комната с татами» [Дэлби, 2010]. Другими словами, «о-дзасики – это вечеринки с алкогольными напитками, на которых майко и гэйги развлекают гостей своими искусствами, такими как музыка или танцы и поддержание беседы. Это одна из частей японской культуры, которую можно найти только в самой Японии» [Ueno, 2016].

О-дзасики включают в себя еду в высоком стиле кайсэки (традиционный японский обед со сменой блюд), игры, а также танцы в стиле танцевальной школы, специфичной для данного конкретного района. На о-дзасики как клиенты, так и гейши употребляют много алкоголя, обычно пива или сакэ, однако ученицы не пьют, так как это считается неподобающим [Дэлби, 2010], «хоть и предлагать гейшам спиртное, пока они его разливают, считается нормальным, но еду им обычно не предлагают, так как пока они часть о-дзасики, им не разрешается есть» [Ueno, 2016].

Гейша должна направлять беседу и способствовать веселому времяпрепровождению своих гостей, зачастую флиртуя с ними, но сохраняя при этом свое достоинство. Пока гости едят, они наслаждаются общением с майко или гэйги. Женщины долго продолжают разливать напитки, так что гостям «начинается казаться, что спиртное нескончаемо, но это является частью развлечения о-дзасики. Также поразительным является элегантность речи гейш» [Ueno, 2016].

Подчеркнутый эротизм вкупе с косвенной принадлежностью к «веселым кварталам» и статусом «вечной невесты» (замужних гейш не бывает) породили миф о легкой доступности. Сами гейши считают отождествление их с проститутками, 遊女 /yūjō/, если не оскорблением, то, по меньшей мере, грубой ошибкой. На самом деле, «существует разница между работой гейши, которая «продает искусство» и работой куртизанки 遊女 /yūjō/, которая «продает свое тело», однако множество иностранцев считают, что и гейша и «девочка по вызову» (проститутка) – это одно и то же» [七色, 2014], однако «гейша - женщина, которая помимо развлечений и искусств, таких как игра на сямисэне и танцы, подносит гостям сакэ и обеспечивает им роскошный прием, и не более» [一郎, 2016].

Направление профессионального речевого портрета гейш, чья речь проанализирована в данном исследовании, предполагает изучение речевой деятельности профессиональной языковой личности.

Согласно Е.Э. Кудрявцевой, «языковая личность специалиста представляет собой потенциальную способность коммуникантов реализовать обмен профессиональной информацией [...] в устной и письменной формах, самостоятельно осуществлять поиск, накопление и расширение объема профессионально значимых знаний в процессе естественного общения с носителями языка» [Кудрявцева, 2009]. Другими словами, понятие «профессиональная языковая личность» подразумевает отдельный аспект языковой личности, в котором национальный язык используется для

достижения разного рода профессиональных интенций. Так, в ремесле гейш используется киотский диалект для подчеркивания утонченности их натуры и завлечения клиентов. Однако, как упоминалось ранее, исследование речевого потенциала языковой личности такого рода возможно лишь при многоаспектном изучении коллективной профессиональной языковой личности.

В данном исследовании под понятием «профессиональный речевой портрет» подразумевается комплекс речевых характеристик, который является общим, как для индивидуальной, так и для коллективной языковой личности. Объектом исследования профессионального портрета может выступать речь определенной языковой личности и коллектива.

Более того, в нашем исследовании создание речевого портрета происходит с учетом национальной составляющей, так как коллективная профессиональная языковая личность не может быть изучена без учета национальной культуры. Ведь этнокультурные нормы являются неотъемлемым компонентом существования профессиональной языковой личности, так как язык связывает профессионала со своей этнической родиной: «языковая компетенция в данном случае обязательно должна быть оптимальной, достаточно внутреннего ощущения сопричастности с национальными корнями» [Седых, 2013]. Таким образом, национальный фактор важно учитывать при анализе набора отраслевых данных, оказывающих влияние на становление языкового сознания индивида, в особенности – отраслевой терминологии. Как правило, любая профессиональная языковая личность работает с отраслевой терминологией, которая является частью определенной языковой картиной мира.

Так изучение речевой деятельности профессиональной языковой личности в определенном языковом пространстве обязано включать не только анализ собственно явлений языка, но и все разнообразие условий и обстоятельств, в которых осуществляется речевая деятельность, а именно

должно учитываться возможное влияние профессиональной деятельности на речевое поведение профессиональной общности.

В данном исследовании профессиональный речевой портрет гейш понимается как иерархически организованная структура, состоящая из следующих компонентов:

- 1) фонетические речевые особенности (паузация, интонация, фонетические разновидности реакции на экстралингвистические факторы);
- 2) лексические особенности речи – активно используемые лексические средства, технология словесного выбора;
- 3) синтаксические особенности речи – многообразие синтаксических конструкций, используемых в речи;
- 4) специфика речевого поведения гейши.

Таким образом, для создания и анализа профессионального речевого портрета гейши потребуются:

- 1) рассмотрение закономерных особенностей речевого поведения на фонетическом, лексическом, синтаксическом уровнях, являющимися общими для гейш;
- 2) исследование обстоятельств речевой коммуникации, оказывающих влияние на языковую личность в процессе говорения, выявление характера коммуникативной ситуации, коммуникативных ролей, и т.д.;
- 3) изучение особенностей речевого поведения в профессиональном аспекте посредством выявления речевых стратегий и тактик, общих для данной профессиональной общности.

При последовательном выполнении вышеперечисленных задач, основанных на методе выявления особенностей речевого поведения, а также моделей, построенных на основе данного подхода, позволит создать коллективный речевой портрет гейши, в котором доминантные черты речевой деятельности данной общности японской культуры будут исследованы с

учетом возможного влияния профессиональной деятельности на их речевое поведение.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

Первая глава данного исследования была посвящена рассмотрению теоретических основ изучения речевого портрета гейш.

В данном исследовании, ссылаясь на Ю.Н. Караулова, под понятием «речевой портрет» понимается реализация в речи языковой личности человека, то есть представление в речи многокомпонентного и многослойного набора языковых способностей, умений, готовностей к осуществлению речевых поступков разной степени сложности.

Далее, речевые портреты могут быть индивидуальными и коллективными. В нашей работе мы ссылаемся на исследования Н.В. Юдиной и Е.А. Кузнецовой, рассматривая понятие «коллективный речевой портрет» как обобщение фактов, процессов и явлений, которые свойственны речи представителей определенного круга, выделяемого по возрастному, профессиональному, социальному, национальному или какому-либо другому признаку.

Также понятие «речевой портрет» является отдельным направлением исследования языковой личности и имеет тесную связь с самим понятием «языковая личность».

Существует множество принципов, на основе которых может создаваться речевой портрет. На сегодняшний день одним из ведущих принципов создания речевого портрета является принцип фиксирования «диагностирующих пятен». Следуя исследованиям Л.П. Крысина, под «диагностирующими пятнами» мы понимаем социально маркированные способы выбора и употребления языковых средств.

На основе данного принципа построен ряд моделей создания и описания речевых портретов. Модель, разработанная Л.П. Крысиным, предполагает изучение речевого портрета по таким параметрам, как анализ набора языковых единиц (фонетика, лексика и словоупотребление; синтаксические

особенности) и особенности речевого поведения (формулы общения, прецедентные феномены).

Создание и анализ профессионального речевого портрета гейш включает характеристику речи представителей данного ремесла на фонетическом, лексическом и синтаксическом уровнях языка с учетом обстоятельств речевой коммуникации, оказывающих влияние на языковую личность в процессе говорения; описание особенностей речевого поведения гейш посредством выявления типичных речевых стратегий и тактик, используемых гейшами в их речи.

ГЛАВА 2. ДОМИНАНТНЫЕ ЧЕРТЫ КОЛЛЕКТИВНОГО РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА

2.1. Характеристика фонетических особенностей в речи гейши

В данном разделе представлен фонетический анализ речи гейш, с выделением фонетических явлений, присущих представителям этой профессии. Материалы, содержащие данные о фонетических особенностях речи гейш, были обработаны при помощи метода наблюдения и описательного метода. Для отслеживания изменения форм звукового сигнала, высоты тона и длины пауз была использована программа Sony Vegas Pro. Для создания транскрипций устной речи была применена система «ТРУД» М.Л. Макарова [Макаров, 2003: 116–117].

Используемые инструменты для анализа позволяют наиболее четко фиксировать неотъемлемые составляющие интонации (мелодику, темп, ритм и паузацию). Интонация – ритмико-мелодическая сторона речи, служащая в предложении средством выражения синтаксических значений и эмоционально-экспрессивной окраски.

Изучение тембра не входит в данное исследование, так как данный параметр зависит от индивидуальных физических характеристик гейш. Анализ звуков также не является частью данного исследования, так как для всех носителей данного языка они являются общепринятыми, однако, отмечаются фонетические явления, в которых проявляется именно специфика речевого поведения определенной профессиональной группы.

Поскольку материалом для исследования послужили видео-интервью, гейши ставят своей целью донести информацию, не выходя из рамок профессиональной этики. Во время речевой деятельности ими используются, в основном, стандартные повествовательные и вопросительные интонационные конструкции. Темп речи можно считать плавным, сравнивая с остальными носителями японского языка, паузы либо логические, либо hesitant, тон иногда повышается несколько резко для того, чтобы

подвергнуть слово либо грамматическую конструкцию, влияющую на смысл предложения, акцентному выделению, однако это не влияет на спокойную мелодику речи:

お着物は毎月おきらさんのお母さんが自分にを出してくれハレので、訪問が楽しみにしてて、今月のお着物すごく好きなんですけど、この本月のための、きをかながせば、すごい可愛いらしいので、好きです。ありがとうございました (雛佑)。

O'kimono wa Λ maitsuki okira-san no okā Λ san ga Λ jibun \ni (ōtamono) wo dashitekurehare nano/de, (0.13 sec) maitsuki, hōmon ga tanoshimi ni shite/te, kongetsu no o'kimono\ sugoku suki nandosuke/DO, (0.53 sec) kono songetsu no tame /no (0,5 sec), ki wo kangaseba Λ sugoi kawaii rashii no/de, suki dosu\ . Arigatō gozaimashita/!

Так как каждый месяц хозяйка выдает мне кимоно, я с радостью хожу на банкеты, и в этом месяце мне очень нравится мое кимоно, оно очень милое, поэтому оно мне очень нравится. Спасибо! (Хинаю)

Однако майко Хинаю делает резкий акцент на противительном союзе «kedo», обозначающем «хотя, однако», интонация - резко восходящая, несмотря на то, что до этого момента интонация была ровная. Также можно заметить, что упоминая хозяйку домика (okāsan) интонация повышается, с целью указать ее значимость, в то время как упоминая себя, используя местоимение «jibun», майко понижает интонацию, чтобы унижить себя по сравнению с хозяйкой. Майко, как и большинство гейш, выделяет союз *ので* /node/, выражающий причинно-следственную связь, который соединяет части сложноподчиненного предложения, восходящей интонацией, указывая тем самым на незавершенность предложения. Сам же конец предложений сопровождается пониженным тоном.

その地毛どす。舞妓さんは必ずかつらと違って地毛どすので、お相撲さんのように毎日髪というわけにはいかしまへんので、それを一週間もたさんならんということで、1週間ほどは頭が洗えへんということどす (西田加奈子)。

sono /jige dosu\, maiko-san wa /kanarazu V katurato chigatte jige A dosu **no/de**, sore /wo, osumō-san no /yō\ ni mainichi /kami >>> to\ iu wake niwa ikashimahen /**node**, <<< sore wo issjukan /motasannaran\ to iu koto /de, issjukan hodo /wa atama \ga area/hen to A iu koto\ dosu.

Это натуральные волосы. Майко отличается тем, что ее прическа – это не парик, а натуральные волосы, поэтому, как и у сумоистов, каждый день прическа не делается заново, а носится целую неделю, и можно не мыть голову всю неделю (К. Нисида).

В случае, когда слово в конце предложения подвергается акцентному выделению, гейши повышают тон.

Хозяйка чайного домика Канако Нисида делает акцент на словосочетании 損得関係なく в конце предложения, интонация - нисходяще-восходящая.

(舞妓になって) 5年ぐらい経った時点で あの 芸妓さんにということで、「襟替え」というんどすけど、そのお店出しをしはるんどすけど襟替えして芸妓さん一本立ちならはります。やっぱり舞妓さんとしてふさわしくないなと思った時は 辞めてもらうこともあります。損得関係なく。はい (西田加奈子)。

(maiko ni natte) /go nen \gurai tatta jiten de A anō:: geiko-san ni toiu koto de eri/gae to iundosu V kedo, sono\ (1.50 sec) omisedashi wo shiharun dosu kedo, erigaeshi/te geiko-san V ni ippon tachi \naraharimasu. yappari /maiko-san \toshite V

fusawashikunai na Λ to omotta toki /wa anō yamete morau koto mo Λ arimasu.
/son\toku /kankei V naku. \ hai.

(Чтобы стать майко) это занимает примерно пять лет, когда она становится гэйко, мы называем это «эригаэ» (смена воротника), и как только она дебютирует как гэйко, считается, что она прошла полный курс обучения. Если для майко такая работа не подходит, то ей разрешается уйти. Независимо от прибыли или убытков (К. Нисида).

Рёкаори, рассказывая о трудностях жизни майко, при помощи резко восходящей интонации делает смысловой акцент на союзе し /shi/ («кроме того») в конце предложения, подразумевая, что помимо сказанного, существуют и другие примеры того, каких еще удобств лишены гейши.

携帯電話とか持たされていないので、連絡手段がないだけに親も心配したはったと思います。お手紙とかしかやりとりができないので・・・

し (涼香)。

/keitaidenwa\toka mota sareteinai Λ no/de, /renrakushudan\ ga nai dake ni oya mo shimpai shitahatta\ to omoimasu. /Otegami to kashi ka\ (0.59 sec) yaritori ga (0.49 sec) dekinai Λ node (0.37 sec) /SHI::.

Поскольку у меня нет мобильного телефона, думаю, родители беспокоятся обо мне, потому что я не могу с ними никак связаться. Я могу обмениваться с ними только письмами... (Рёкаори).

Таким образом, выделяя наиболее важную смысловую составляющую своего высказывания, гейши использовали логические ударения, сопровождающиеся восходящим тоном. Логическое ударение – это выделение в произношении одного из слов предложения для усиления его смысловой нагрузки.

Помимо смысловой нагрузки, логические ударения помогают придать речи гейши подходящий эмоциональный оттенок. Так, например, рассказывая с большим интересом о своей профессии и обо всем, что связано с нею, гейши

делают акцент на слове или фразе, придавая речи положительный оттенок эмоций.

Майко Томитаэ, комментируя высказывание интервьюера *大事なもんやね* /daiji na mon yane/ (важная, должно быть, вещь) о специальной высокой подушке для сна «такамакура», которая позволяет спать, не портя прическу, резко повышает тон.

そうどすね。これないと寝られへんかな (冨多愛)。

/SŌDOSU V NE! KORE nai to V nerare/HEN V kana:.

И не говорите! Без нее мы бы, наверное, спать не могли (Томитаэ).

Рассказывая про ту же подушку, помимо повышения тона, майко Томицую заметно ускоряет темп речи, что придает ее звучанию энтузиазма и воодушевленности.

出張に行く時も皆これを持っていく海外とかでもスーツケースにこの下だけ入れて、ホテルのタオルをクルクルと巻いて上にキュツとして寝る (冨津愈)。

/SHUTCHŌ ni\ iku /toki\mo >>> /minna kore wo motteiku V KAIGAI \toka /demo V sūtsukēsu\ ni kono << /SHITA DAKE ERETE:\, >>> /hoteru no \taoru wo /kurukuru \to maite ue ni kū toshite neru\.

Некоторые даже когда едут в командировку или за границу, берут такую подушку с собой, кладут ее в самый низ чемодана, потом в отеле обматывают ее полотенцем и так на ней спят (Томицую).

Ритм – это равномерное чередование ускорения и замедления, напряжения и ослабления, долготы и краткости, подобного и различного в произведении речи [Ахманова, 1966]. Ритмичность речи создается тогда, когда на слогах слов в речи через относительно равные временные промежутки ставятся смысловые акценты.

В основном в речи гейш ритм создается при помощи пауз до и после первичных послелогов и топикальной частицы は /wa/. Данная паузация считается типичной для носителей японского языка и гейши, как его носители, грамотно расставляют паузы.

うちは舞妓さんおこわれたて、京都が好きあったんどすね。こいう町上、古い町上が好きで、「京都で住んでみたいな」と言うそういう気持ちから、ご舞妓さんっていうちょっとはってんしたんどすけど [菊禰]。

Uchi wa (0.7 sec) maikosan okoware::tate, (0.53 sec) kyōto ga suki attandosune. Koiu machigami, furui machigami ga suki de (0.10), kyōto de sundemitaina (0.6 sec) to iu (0.7 sec) sō iu kimochi kara gomaiko santte iu chotto hatten shitan dosu kedo.

Я стала майко, потому что мне всегда нравился город Киото. Мне нравится сам город и его старые районы, я всегда думала, как бы я хотела там жить и стать символом этого города – майко (Кикунэ).

人数が少ないので、奈良の舞妓さんの菊亀ちゃんって覚えてもらえところもそうやし、京都やったら一京都の舞妓さんみたいな感じになってしまおうと思うんですけれども、埋もれないところかなって思いますね [菊亀]。

Ninzū ga (0.8 sec) sukunai node (0.35 sec), nara no maiko san no Kikukame chan tte (0.46 sec) oboetemorae tokoro mo sō yashi (0.42 sec), kyōto yattara (0.15 sec) ichi kyōto no maiko san mitai na kanji ni natte shimau to omoundesu keredoomo (0.38 sec), umorenai tokoro kanatte omoimasune.

Так как в Нара живет мало людей, я, как майко, наверное, являюсь для них очень запоминающейся личностью, а когда приехала в Киото, я поняла, что мне бы хотелось стать такой же как киотские майко, а не хоронить себя в этой глуши (Кикукамэ).

Темп речи во многом зависит от экстралингвистических и лингвистических факторов – уровня эрудиции, темперамента, навыка логичного изложения своих мыслей, компетентности степени эмоциональности относительно ситуации, в которой осуществляется речевая деятельность и временного фактора. Методом наблюдения было выведено, что темп речи большинства гейш является стабильным и варьируется у интервьюируемых от размеренного до умеренно быстрого. Более быстрый темп наблюдается у гейш, которые пытаются изложить как можно больше информации, уместаясь во временные рамки, отведенные на ответ и само интервью.

С помощью пауз осуществляется деление речи на смысловые части. Пауза – это временная остановка звучания, разрывающая поток речи, вызываемая разными причинами и выполняющая различные функции [Розенталь, 1985]. Паузы взаимосвязаны с темпом и ритмом речи, так как длина пауз и их количество оказывают влияние на темп речи говорящего. Паузы в речи гейш проявляются либо, когда гейши обдумывают более подходящий ответ на заданный вопрос от интервьюера, либо посредством деления речи на смысловые части с помощью логических пауз. Логическая функция паузы – вносить в речь разделительное начало, обеспечивающее речи четкость, ясность, разумность [Блинов, 1946].

В данном диалоге, отвечая на вопрос как долго держится прическа, майко Томитаэ делает логические паузы, выделяя ими точные ответы на поставленные вопросы.

—そうですね、1 週間もたせます。—なかなか洗えないわけだ？—
そうですね。毎日は結うてられへんので。このままに寝ます。

-Sōdesune, issjukan (0.56 sec) motasemasu.

-nakanaka arae nai wake da?

-sōdesune. Mainichi wa (0.45 sec) yūterarehennode. Konomama ni nemasu.

-Да, мы носим прическу целую неделю.

-И совсем не моете голову?

-Именно так. И каждый день заново прическу не делаем. Так и стим.

В данном примере хозяйка чайного домика Кикуно делает логические паузы, акцентируя немаловажную роль майко для города Нара.

舞妓さんたちを育てて、この町を少しでも明るくする (菊乃)。

maiko-san tachi wo sodatete (0.54 sec) kono machi wo (0.11 sec) sukoshi demo (1.30 sec) akaruku suru.

Воспитывая майко, мы делаем этот город немножечко светлее (Кикуно).

Логические паузы часто следуют за логическим ударением. В таком случае длина паузы может быть увеличена для придания высказыванию дополнительной смысловой нагрузки.

舞妓さんは生活感というかそういうのがないのがええので、うん、所帯染みた、ね、スーパー行ったりとかは姐さん方があかんで (富多愛)。

Maiko san wa (1.7 sec) seikatsukan to iu ka sō iu no ga na::i:: no ga (1.2 sec) ee node, un, shotaishimita, ne, sūpā ittari toka wa (0.59 sec) nē san kata ga akante.

Все-таки майко - это не домохозяйка, занимающаяся бытом, так что нам нельзя ходить в супермаркеты и демонстрировать на показ, что мы что-то покупаем (Томитаэ).

В большинстве случаев длина логической паузы в речи гейш составляет около 1-ой секунды, паузы распределены в зависимости от того, какой смысл в предложение вносится говорящей, относительно равны по длительности, что создает равномерный темп в речи.

В некоторых случаях в речи гейш встречаются хезитационные паузы. Данный вид пауз возникает тогда, когда у выступающих еще не сформировалось окончательное мнение по обсуждаемой проблеме, они ищут решение вопроса, вслух обдумывают его [Введенская, 2001]. В речи гейши можно услышать хезитационные паузы, так как в интервью ее речь спонтанная,

неподготовленная, однако не часто, так как гейши хорошо владеют дискуссионными и коммуникативными навыками.

うちが怖かったのはそのなかニュージーランドから連絡してるから...へんかこ...本気じゃないと思われるのが怖かって (富津愈)。

Uchi ga kowakatta no wa sono naka nyūjīrando kara (0.47 sec) renraku shiteru kara (0.57 sec) henkakō:: (1.26 sec) honki:: janai to omowareru no ga kowakat(0.50 sec)te.

Я очень волновалась из-за встречи с гостями из Новой Зеландии...боялась, что они подойдут к этому несерьезно (Томицую).

舞妓さんはやく5年間なので、いままる2年だったの後、3年ちょっとは残っていますね (菊禰)。

Maiko san wa yaku go nenkan nanode (0.48 sec), imamaru ni nen data no ato, san nen chotto wa (0.15 sec) nokotteimasune.

Майко обучаются примерно пять лет, уже прошло два года, мне осталось еще три (Кикунэ).

Во время хезитационных пауз признаков волнения не наблюдается. Однако, если вопрос слишком сложен, длина паузы может достигать секунды и более, но в среднем, не превышает 2-х секунд.

根さんについてちゃんと...舞妓さんになってからまた...例、失敗することまると思うね、そ言うやっぱり本真ものの...ま、本当の根ちゃんみたいな。幹事ではないのどすけど、やっぱり...難しいなあ...そう言う...分からへんことがあったら、きっち教えて、挙げられるように、するのはやっぱり根として義務らしい。

Ne-san ni tsuete A chanto\ (0.58 sec) ... maiko san ni nattekara mata (0.13 sec) V REI, shippai suru koto maru to omou V NE, sō iu yappari (0.55 sec)

honmamon no Λ ma, hontō no ane-chan mitai na (0.52 sec). Kanji\ (0.54 sec)
dewanai no dosukedo\, yappari (0.19 sec) muzukashii na::\ sō /iu (0.55 sec) \mm...
wakarahen koto ga /attara\, kicchi /oshiette\ (0.5 sec) agerareru yō /ni:, (1.10 sec)
suru no wa \yappari (0.43 sec) ane toshite gimu rashii.

Если говорить о сестре, как бы поточнее... когда становишься майко, например, совершаешь иногда ошибки, вот, по правде говоря... ну, хочется стать такой же как сестра. Не управлять кем-то, а... сложно... другими словами, когда кто-то чего-то не понимает, то помогать, показывать, как правильно делать, думаю, это мой долг перед сестрой.

Как следует из примера выше, в речи гейш присутствуют слова «паразиты», выполняющие функцию заполнения пауз, что свидетельствует о неподготовленности речи. Можно выделить такие часто используемые слова «паразиты», как まあ /maa/, ね /ne/, やっぱり /yappari/, あの /ano/.

家、出身が宮崎、ね、九州なんどすけど…やっぱり、あの…何も知らない
ないので、あるで、このことは調べるんどすけど、やっぱり、もったく知
らないどすし (菊禰)。

Uchi, shusshin ga miyazaki, **ne**, kyūshū nan dosu kedo...**yappari**,
ano...nanimō shiranainode, arude, kono koto wa shiraberundosukedo, **yappari**,
mottaku shiranai dosu shi.

Я родом из Миядзаки, это в Кюсю... ну-у... я не слышала о майко, и как-то раз узнала о них, а так совсем ничего не знала (Кикунэ).

ま…あの…京都の方たちとも仲良くさしてもってるので、ま、呼んで
いただいてもいいんどすけども…(菊乃)。

ma...**ano**... kyoto no kata tachi tomo naka yoku sashitemotterunode, **ma**,
yondeitadai mo iin dosu kedo...

У меня есть некоторые знакомые в Киото, могу даже нескольких назвать... (Кикунэ)

やっぱり、舞子さんやと思って撮ってくれはるので…綺麗にしてを
かな、 やっぱり (富多愛)。

yappari, maiko-san ya to omotte tottekureharunode... kirei ni shite wo kana,
yappari.

*Думаю майко постоянно фотографируют...наверное, потому что
красивые (Томитаэ).*

Слово やっぱり /yappari/ имеет значение «как и ожидалось», «все-таки».

Большинство японцев считают это слово бессмысленным, то есть словом «паразитом», так как оно не несет никакой смысловой нагрузки. Однако с коммуникативной точки зрения оно показывает, что человек отвечает на вопрос, тщательно все обдумав и взвесив. Именно таким образом гейши и используют это слово в контексте своей речи.

Слова «паразиты» часто возникают в речи гейш, однако в случаях, когда гейши выступают на сцене с подготовленной речью, они отсутствуют.

Необходимость прервать речь ближе к концу или в конце предложения связана, в основном, с экстралингвистическими факторами. Экстралингвистический фактор означает фактор, относящийся к реальной действительности, в которой происходит функционирование и развитие языка. [Ахманова, 1966]. Экстралингвистические факторы, прерывающие речь гейши, в большинстве случаев были связаны с интервьюерами, их реакцией на сказанное гейшей.

—うちは九州ど…—九州なの？—ええ。—九州、どこ？—九州宮崎
どす。—ええ…そうなんだ。

-Uchi wa kyūshūdo- [kyūshūnano?]. ee.

-kyūshū, doko?

-kyūshū miyazaki dosu.

-ee...sōnanda.

-Я из Кюсю...

-Кюсю?

-Да.

-А откуда именно?

-Из Миядзаки.

-А... вот оно как.

В приведенном выше примере гейша Рёко вместо глагольной связки どす /dosu/, успевает произнести только ど /do/, так как ее прерывает интервьюер с целью уточнения информации.

Таким образом, выявленные фонетические характеристики демонстрируют адаптивную способность гейш к экстралингвистическим факторам (временной фактор, вопросы интервьюера), свидетельствуют о логичном изложении мыслей. Грамотное использование фонетических средств говорит о том, что для гейш характерен определенный опыт дачи интервью и выступлений перед публикой.

2.2. Характеристика лексических особенностей речи гейши

В данной части работы представлены лексические средства, использование которых наиболее характерно для гейш.

В ходе анализа было выявлено, что самым часто используемым словом в речи гейши является слово 仕事 /shigoto/ (работа), затем следуют слова 舞妓 /maiko/ (майко), 着物 /kimono/ (кимоно), 髪 /kami/ (волосы, прическа), 踊り /odori/ (танцы), 化粧 /keshō/ (макияж), お座敷 /o'zashiki/ (банкет) и т.д.

По перечисленным выше словам, можно судить о том, что темы, касающиеся своей профессии, более всего актуальны для гейш. Приведенный перечень показывает, что по частоте употребления лидируют слова, которые

отображают предметы и явления, представляющие профессиональный интерес для гейш.

まず、うちがお**仕事**が夜が6時ぐらいがおいなので、夜の9時終わるのは大体12時過ぎなんです、ね、ね、帰って来て、お**化粧**として、お**置物**たたくんで、お風呂をはいてともやっぱり、寝るのが3時ごろすし(菊禰)。

mazu, uchi ga o'**shigoto** ga yoru ku ji gurai ga oinode, yoru no ku ji owaru no wa daitai jūni ji sugi nan dosu ne, ne, kaettekite, o'**keshou** toshite, o'**kimono** tatande, o'furo wo haite to mo yappari, neru no ga san ji goro su shi.

*Обычно **работа** начинается примерно в 6 часов вечера, заканчивается в 9, но чаще после 12-ти, вот, потом прихожу домой, смываю **макияж**, сбрасываю **кимоно**, иду в ванную и ложусь спать примерно в три ночи (Кикунэ).*

ただ今はこのお**仕事**が好きでお稽古事も好きなので、何十年先を考えず、明日頑張ろう1日頑張ろうという気持ちで今さしてもっています(菊亀)。

tada ima wa kono o'**shigoto** ga suki de o'keikogoto mo suki nanode, nan jūnen saki wo kangaezu, ashita kambarō ichinichi gambarō to iu kimochi de ima sashite motte imasu.

*На данный момент мне нравится эта **работа**, и также мне нравится тренироваться, так что я не думаю о будущем, сейчас я думаю о том, что я должна трудиться изо дня в день (Кикикамэ).*

大体舞妓さんは朝9時ぐらいに起きてから、お**置物**お芸妓までに、お**着物**を着たり... (ふく苗)。

daitai **maiko** san wa asa ku ji gurai ni okitekara, o'**kimono** o'**geiko** made ni, o'**kimono** wo kitari...

*Обычно **майко** встает в девять утра, надевает **кимоно** перед **гэйко**... (Фукунаэ).*

舞妓さんは週に一度特別な美容院に行かねばならないので、この髪形を作るのに 1 時間かかるので、そして、髪形は 7 日間維持しないとイケません [富津愈]。

Maiko san wa shū ni ichido tokubetsu na biyōin ni ikaneba naranai node, kono **kamigata** wo tsukuru noni ichi jikan kakaru node, soshite, **kamigata** wa nana nanokakan iji shinai to ikemahen.

Раз в неделю майко ходит в специальную парикмахерскую, где ей целый час делают прическу, и затем эта прическа держится семь дней (Томицую).

Профессиональная лексика определяется Л. Хоффманном следующим образом: «Профессиональная лексика – совокупностью всех языковых средств, применяемых в конкретной профессиональной сфере» [Hoffmann, 1976]. Во время интервью гейши редко используют узкоспециальную профессиональную лексику, тем не менее, объясняя, что именно тот или иной термин означает. Например, гэйко Миэхина, употребляя термин 簪 /kanzashi/, обозначающее традиционное украшение гейш, объясняет его значение:

お花のね簪を差して髪んどすも、これはその月ごと各月ごと変わります (美恵雛)。

O'hana no ne kanzashi wo sashite kamindosu mo, kore wa sono tsuki goto kaku tsuki goto kawarimasu.

Канзаси с цветами украшает голову майко, каждый месяц украшение меняется (Миэхина).

Наиболее часто гейши ограничиваются использованием профессиональной лексики, понятной людям, не являющимся представителями данной профессиональной общности. Поэтому гейши не используют такие сложные понятия, как, например, 半人 /hanjin/ (половина

человека) или 半玉 /hangyoku/ (полудрагоценный камень) для обозначения майко.

Для людей, не принадлежащим к лингвокультуре Японии или не связанными с профессией гейш, не ясна разница между «майко» и «гэйко», поэтому обычно используется собирательный образ «гейша» для представительниц данной профессии. Именно из-за данного обобщения гейшам часто приходится объяснять суть данных терминов.

«舞妓さんは訓練中の身なんどすので、芸妓さんになるためにトレーニングをしている身なんどす» (富津愈)。

maiko san wa kunrenchū no minan dosu node, geiko san ni naru tameni torēningu wo shiteiru mi nan dosu.

Майко – это ученицы, которые тренируются для того, чтобы стать гейшами (Томицую).

Главной отличительной чертой лексической составляющей речевого поведения гейш являются диалектные слова. Помимо внешности гейш, именно киотский диалект является отличительной особенностью их профессии. Самым часто используемым словом, принадлежащим к киотскому диалекту, является 大きに /ookini/, что означает «спасибо». В литературном нормированном японском языке слово спасибо звучит как ありがとう /arigatō/ или ありがとうございました /arigatōgozaimashita/ в нейтрально-вежливом стиле. Также гейши используют фразу お越しやす /okoshiyasu/ «добро пожаловать» вместо повсеместно используемого いらっしゃいませ /irasshaimase/.

В своей речи Канако Нисида использует такую диалектную профессиональную лексику, как 襟替え /erigae/ (смена воротника), что

означает завершение обучения майко и начало ее карьеры гэйко, и 一本 /ippon/, что означает «гейша, прошедшая курс обучения».

そのお店出しをしはるんどすけど襟替えして芸妓さん一本立ちなら
はります (西田加奈子)。

sono o'misedashi wo shiharun dosu kedo erigae shite maiko san ippontachi
naraharimasu.

*После дебюта, сменившая воротник майко становится гэйко,
прошедшей полный курс обучения (К. Нисида).*

Наиболее частое использование киотского диалекта в речи гейш можно
пронаблюдать именно в синтаксисе.

Несмотря на то, что гейши используют большое количество
профессиональной, диалектной и официально-деловой лексики, в их речи не
наблюдается лексики высокого стиля. Также в речи гейш не было выявлено
слов-архаизмов, хотя гейши и являются представителями традиционной
японской культуры и носителями почти утраченного киотского диалекта. Мы
предполагаем, что это объясняется стремлением гейш быть ближе к клиентам
и устанавливать контакт посредством употребления общепринятой лексики.

2.3. Характеристика синтаксических особенностей речи гейши

Следуя модели анализа речевого портрета Л.П. Крысина, рассмотрение
простых и сложных предложений вынесено за рамки данного исследования,
так как данные, связанные с их использованием, чаще всего не несут в себе
специфических черт для данного исследования и могут варьироваться в
дальнейших исследованиях. Более того, для японцев присуще излагаться
длинными сложноподчиненными предложениями. Однако, как было замечено
ранее, самая главная особенность синтаксиса в речи гейш – использование
киотского диалекта.

В нейтрально-вежливой речи связка です /desu/ ставится обязательно после всех тайгэнов — существительных, местоимений, числительных, а также после предикативных прилагательных, выступающих в роли сказуемого. Однако гейши, опираясь в своей речи на киотский диалект, вместо связки です используют связку どす /dosu/, что является ее полным эквивалентом. Также, в речи гейш вместо отрицательной формы от нейтрально-вежливой формы глагола ません /masen/ используется まへん /mahen/, в соответствии с диалектом. Помимо этого, Нисида Канако, при помощи конструкции ように /yōni/ использует такой троп, как сравнение, чтобы наиболее точно передать информацию.

お相撲さんのように毎日髪というわけにはいかしまへんので (西田加奈子)。

osumō-san no yōni mainichi kami to iu wake niwa ikashimahen node.

Как и у сумоистов, каждый день прическа не делается заново (К. Нисида)

Отрицательная потенциальная форма глагола えない /enai/ в речи гейш звучит как えへん /ehen/, а форма долженствования なければならない /nakerebanaranai/ сокращается до формы なん /naran/.

それを一週間もたさんなんらんといいことで1週間ほどは頭が洗えへんといふことどす (西田加奈)。

sore wo issjukan motasan naran to iu koto de issjukan hodo wa atama ga arahen to iu koto dosu.

Прическу нужно проносить всю неделю, поэтому целую неделю можно не мыть голову (К. Нисида).

Гейши используют длительную отрицательную форму глагола はる /haru/ вместо традиционной формы いる /iru/.

けっこ奈良の方が京都から呼んではるところが多いので (菊乃)。

Kekko nara no kata kyōto kara yonde **haru** tokoro ga ooi node.

Существует достаточно много различий между стилями Нара и Киото (Кикино).

Так как гейши отвечают на вопросы, исходя из собственного мнения и опыта, они часто употребляют в своей речи конструкции, выражающие сомнение или суждение. В речи гейш можно пронаблюдать использование конструкции *かな* /kana/, которая выражает сомнение.

舞子さんやと思って撮ってくれはるので、綺麗にしておかな (冨多愛さん)。

maiko-san ya to omotte tottekureharunode... kirei ni shite wo **kana**.

Думаю, майко постоянно фотографируют, потому что они красивые (Томиэ).

Однако чаще всего используется конструкция *と思う* /to omou/, выражающая суждение.

下の子が入ってきたので、自分もいい見本になるようにと思って…
しっかりするとか…よかったなと思います (菊亀)。

shita no ko ga haitte kita node, jibun mo ii mihon ni naru yōni omotte...
shikkari suru to iu ka... yokatta na to omoimasu.

Так как к нам пришли новенькие, я хочу стать хорошим примером для них...если быть сильной... то, думаю, все получится (Кикикамэ).

長いこと皆さんにお世話になったから、この恩返しという大層なものじゃないというどすけれども、私が生きてきた証としてこの町に置いていかないといけないものがあると思うんどす (菊乃)。

nagai koto mina-san ni o'sewa ni natta kara, kono ongaeshi to iu taisō na mon ja nai to iu dosu keredemo. Watashi ikitekita Akashi toshite kono machi ni oite ikanai to ikenai mono ga aru to omoundosu.

Так как я в большом долгу перед людьми, я думаю, что должна сделать вклад в этот город, как доказательство, что я еще живу и должна всем как-то отплатить (Кikuно).

一人の女性として結婚もしたいなと思いますし (菊亀)。

hitori no josei toshite kekkon mo shitai na to omoimasu shi.

Думаю, как женщине, мне бы хотелось выйти замуж (Кикукэмэ).

Из примера выше также можно выделить союз し /shi/, обозначающий перечисление действий. Гейши часто используют его, недоговаривая конец предложения, подразумевая тем самым, что существуют еще другие причины или примеры к уже сказанному. Это связано с менталитетом японцев, которые считают, что собеседник сам должен догадаться о мысли говорящего.

もし内緒でお客様と出かけた場合ほかのお客様が気を悪くするし (菊乃)。

moshi naisho de o'kyaku san to dekaketa baai hoka no o'kyaku san ga ki wo waruku suru shi.

Если вы уходите с кем-либо из гостей тайно, то другим гостям от этого становится неприятно (Кikuно).

Анализируя речь гейш на синтаксическом уровне, были выявлены такие особенности, как использование конструкций, выражающих сомнение, собственное мнение говорящего, незаконченность предложений. Также было использовано множество диалектных конструкций, но не было выявлено ни

одного синтаксического приема. Однако использование диалекта является не только частью лексической и синтаксической составляющей, но и играет немало важную роль на уровне речевого поведения гейш.

2.4. Особенности речевого поведения гейши

Для гейши крайне важно установить речевой контакт с каждым из многочисленных гостей на банкетах и заинтересовать любого собеседника. Поэтому гейши меняют речевое поведение, подстраиваясь под своих клиентов. Этими элементами могут быть определенные жесты, интонация.

Гейши используют специальную плавную жестикуляцию, называемую 身振り語 «мибуриго», которая является своеобразной системой знаков для передачи идей, имитации, символизма. Данная жестикуляция сопровождается плавной интонацией, что создает спокойную атмосферу, позволяет собеседнику расслабиться и располагает его к себе.

Диалект в речи гейш играет большую роль в их речевом поведении. Киотский диалект придает гейшам еще большую женственность и мягкость. Гейши употребляют данный диалект с целью расположения к себе собеседников и клиентов, так как остальные носители японского языка почти его не используют, что добавляет речи гейш архаичность и элитарность.

В ходе речевого общения с интервьюером, гейши использовали нейтрально-вежливый стиль речи, так как находились в рамках институционального дискурса, который предполагает общение между незнакомыми людьми в соответствии с нормами социума [Карасик, 2002]. Гейши использовали вежливые формы глаголов на ます /masu/, глаголы-связки ます /dosu/, элементы учтиво-вежливой речи 敬語 /keigo/ – префиксы, присоединяющиеся к глаголам и существительным お /o/ и ご /go/. Однако в

коммуникативной ситуации общения с друг другом, гейши переходят на бытовой стиль общения.

Гэйко Цунэмомо в ситуации общения с майко Хинаю и майко Томитаэ использует бытовой стиль, не употребляя придающих вежливости глаголов-связок.

—正面に向くように擦るとこれ帛紗が傷むからちょっとだけ浮かしてとにかく割らんように。—はい。—手がバラバラになると汚いから手はきっちりそろえて綺麗に置けるように。

shōmen ni muku yō ni suru to kore fukusa ga itamukara chotto dake ukashite tonikaku waran yō ni.

—hai.

—te ga barabara ni naru to kitanai kara te wa kicchiri soroete kirei ni okeru yō ni.

-Если будешь поворачивать (чашку) с лицевой стороны, то ткань попортится и все прольется.

-Понятно.

-(Она) выпадет из рук и все разольется, поэтому руки нужно держать так, тогда ничего не замазается.

Более того, в разговоре с майко, гэйко Цунэмомо употребляет просторечные конструкции такие, как やろ /yaro/, なんか /nanka/, な /na/, обозначающую неуверенность говорящего, однако при этом использует частицу ね /ne/, употребляемую в вежливой речи, в вопросительном предложении, обозначающую «не так ли?».

せやしなんかずれたりしてはんねんな…この人綺麗やんちゃんときちんとなって。ちょっと短くない？これちょっと1センチぐらい短いよね(…)全然違うやろ？こうやろ締まった？(つね桃)

seyashi nanka zure tari shite han nen na... kono hito kireiyan-chan to kichinto natte. chotto mijikakunai? kore chotto ichi senchi gurai mijikai yo ne... zenzen chigauyaro? hankachi kama setara.

Кажется, (украшение) немного сползло... Вот на ней красиво сидит. По-моему, низковато, нет? Немного, буквально на сантиметр, не так ли? (...)
Как-то не так, да? Не туговато? (Цунэмомо)

Майко Кикукано в разговоре с новыми ученицами также не использует показателей нейтрально-вежливого стиля, таких как глаголы-связки *です* /desu/ и *ます* /masu/.

この部屋を自由に使ってもらったら、前が福ちゃんの部屋で奥がうちの部屋なので(菊鹿乃)。

kono heya wo jiyū ni tsukatte morattara, ano, mae ga fuku-chan no heya de oku ga uchi no heya nanode.

Следующая комната Фуку, а дальняя моя, поэтому можешь жить в этой комнате (Кикукано).

В интервью гейши используют юмор, сопровождающийся невербальными элементами (улыбкой, смехом), что разряжает атмосферу, сближает собеседников и удерживает внимание интервьюера.

一枚 1000 キロカロリーの板チョコがあるんですけど、毎日1枚食べてしました。我慢できひんタイプな(富津愈)。

hitomai sen kirokarorī no ita choko ga arun dosu kedo, mainichi hito mai tabeteshimashita. gaman dekihin taipu na.

Хоть и одна шоколадка содержит тысячу килокалорий, я все равно каждый день съедала по одной. Совсем держать себя в руках не умею!
(Томицую)

Гэйко Цунэмомо, рассказывая про гейш, которые могут уйти с работы по собственному желанию или после свадьбы, заканчивает монолог шуткой:

私は辞めるとかところまだ決めてません (つね桃)。

watashi wa yameru toka tokoro mada kimetemasen.

Однако, как мне с работы уйти, я пока еще не решила (Цунэмомо).

Также гейши используют юмор в ситуации общения друг с другом. Хозяйка Кикуно, приветствуя новых учениц, пошутила насчет благоприятной атмосферы в домике.

優しいお姉さまたちがいるから大丈夫ですね (菊乃)。

Yasashii onē sama tachi ga iru kara daijōbu desu ne.

У нас тут и добрые старшие сестры есть(гейши), так что все с вами будет в порядке (Кикуно).

К сожалению, данное исследование обусловлено материалами интервью, которые не раскрывают особенностей речевого поведения гейш на банкетах одзасики. Однако, исходя из материала, гейши адаптируются к коммуникативной ситуации, хорошо владеют разными стилями речи и переключаются между ними, умело используют юмор в речи, что позволяет устанавливать контакт с собеседником и поддерживать его, доносить информацию до слушателя в более легкой форме.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

Вторая глава данного исследования представляет собой выявление и анализ доминантных черт речевого поведения гейш на фонетическом, лексическом и синтаксическом уровнях языка, что также находит отражение в процессе использования речевых стратегий и тактик.

В речи гейш наблюдаются такие доминантные фонетические характеристики, как: плавное повышение и понижение тона; преобладание умеренного темпа; постоянный ритм; равномерная расстановка пауз, активное использование логических пауз и акцентных выделений; присутствие в речи слов «паразитов» (в связи с неподготовленностью речи); прерывание речи как форма реакции на экстралингвистический фактор.

Выявление лексических характеристик гейш показало такие доминантные черты, как: активное использование профессиональной лексики, подача информации с помощью примеров для ее доступности, активное использование киотской диалектной лексики.

В результате анализа синтаксических особенностей речи гейш, было выявлено, что типичными для речи большинства гейш является употребление диалектных грамматических конструкций.

Из особенностей речевого поведения общими можно выявить использование юмора в речи, адаптируемость к коммуникативной ситуации, что позволяет устанавливать контакт с собеседником и поддерживать его, доносить информацию до слушателя.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Цель исследования заключалась в выявлении доминирующих черт речевого поведения гейш и комплекса языковых средств, которыми они формируются. Основные результаты данной работы могут быть сформулированы следующим образом:

1) В рамках различных направлений современной лингвистики существует сложное понятие речевой портрет, понимаемое большинством исследователей, как реализация в речи языковой личности человека, то есть представление в речи многокомпонентного и многослойного набора языковых способностей, умений, готовностей к осуществлению речевых поступков разной степени сложности.

2) Учитывая тип объекта исследования в соответствии с классификацией речевых портретов, лингвисты различают понятия «индивидуальный речевой портрет» и «коллективный речевой портрет». Для нашего исследования более подходящей классификацией является коллективный речевой портрет, так как он является обобщением фактов, процессов и явлений, которые свойственны речи представителей определенного круга, выделяемого по возрастному, профессиональному, социальному, национальному или какому-либо другому признаку.

3) Существует множество принципов, на основе которых может создаваться речевой портрет. Одним из ведущих принципов создания речевого портрета является принцип фиксирования «диагносцирующих пятен», в качестве основной модели была выбрана последовательность описания речевого портрета, предложенная Л.П. Крысиным. Данная модель предполагает составление речевого портрета на основе следующих явлений: особенности набора языковых единиц (фонетика; лексика и словоупотребление (частотность слов, оценочные и модальные, просторечные, жаргонные, диалектные слова и словосочетания); синтаксические особенности); особенности речевого поведения.

4) Создание речевого портрета должно происходить с учетом национальной составляющей коллективной профессиональной языковой личности, так как язык связывает профессионала со своей этнической родиной. При анализе набора отраслевых данных, оказывающих влияние на становление языкового сознания индивида, важно учитывать национальный фактор.

5) С использованием программы Sony Vegas Pro, был проведен фонетический анализ речи гейш, который выявил следующие доминантные характеристики: плавное повышение и понижение тона; преобладание умеренного темпа; постоянный ритм; равномерная расстановка пауз, активное использование логических пауз и акцентных выделений; присутствие в речи слов «паразитов»; прерывание речи как форма реакции на экстралингвистический фактор. Выявленные фонетические характеристики демонстрируют адаптивную способность гейш к экстралингвистическим факторам (временной фактор, вопросы интервьюера), свидетельствуют о логичном изложении мыслей. Грамотное использование фонетических средств говорит о том, что для гейш характерен определенный опыт дачи интервью и выступлений перед публикой. Также в исследовании допущено предположение, что в тенденции использования более размеренного темпа, отличающегося от быстрого темпа носителей японского языка, может быть отражена профессиональная склонность к плавности и изящности действий, что непосредственно связано с их эстетичной профессией.

6) Анализ лексических характеристик гейш выявил следующие типовые черты речевого поведения: активное использование профессиональной лексики, подача информации с помощью примеров для ее доступности. Гейши активно используют киотскую диалектную лексику, которая присуща только представителям данной профессии и пожилому населению Киото, что подкрепляет значимость гейш, как представителей лингво-культуры Японии.

7) Анализ синтаксических характеристик показал, что большинству гейш свойственно употребление диалектных грамматических конструкций. Из синтаксических приемов можно выделить сравнение.

8) Согласно анализу схожих черт, на уровне речевого поведения большинство гейш используют диалект для привлечения внимания. Также гейши использовали юмор. Исходя из общих черт использования речевого поведения, можно сделать вывод, что большинство гейш стремится поддерживать контакт со слушателем, эффективно доносить информацию профессионального характера и взаимодействовать с интервьюерами. Гейши умело адаптируются к коммуникативной ситуации и переключаются между стилями общения.

Таким образом, проанализированные особенности речевой деятельности гейш подтверждают гипотезу о том, что в их речи можно выявить общие черты на уровнях фонетики, лексики, синтаксиса, и также, схожие черты на уровне речевого поведения, а именно: плавная ритмика речи, тенденция к выделению слов длительными паузами, логическими ударениями и нисходяще-восходящим или восходящим тоном для внесения смысловой нагрузки; использование диалектной и профессиональной лексики и диалектных грамматических конструкций; умение грамотно переключаться между стилями речи в разных коммуникативных ситуациях, поддерживать контакт с собеседниками. Также подтверждается предположение, что профессиональная деятельность может оказывать непосредственное влияние на речь гейши. Однако гипотеза о том, что гейши используют архаизмы, высокий стиль и устаревшую грамматику, не подтвердилась.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Алышева Ю.С. Речевой портрет современного политического лидера: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 Волгоград, 2012. 21 с.
2. Алюнина О.Г. Понятие речевого портрета в современных лингвистических исследованиях // Лингвистика и лингводидактика на рубеже веков: теоритические и прикладные аспекты: матер-лы регион. научно-метод. интернет-конференции, посвященной 10-летию факультета романо-германских языков Ставропольского государственного университета. Ставрополь: СГУ, 2012. С. 106–109.
3. Асадуллаева А.В. Исторический криминальный лингвокультурный типаж «английский пират»: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Волгоград, 2011. 170 с.
4. Асташова О.И. Речевой портрет Н. Ю. Белых: динамический аспект // Политическая лингвистика. 2011. Вып. 3. С. 64–68.
5. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Едиториал УРСС, 2004. 571 с.
6. Бабушкина Е.А. Речевой портрет личности: фонетические характеристики // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. № 11. С. 7–11.
7. Балыхина Т.М., Нетесина М.С. Коммуникативный портрет современного политика // Вестник науки Сибири. Томск. 2012. № 1. С. 287–293.
8. Богин Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. Л., 1984. 31 с.
9. Бойко Л.Б. Основы теории социально-групповых диалектов: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. М., 2009. 379 с.
10. Бойко Л.Б. Принципы моделирования речевого портрета носителя социально-группового диалекта (к проблеме создания речевого портрета

человека на войне) // Армия и общество. НИЦ Наука-XXL. 2008. № 2. С. 114–121.

11. Вильгельм фон Гумбольдт Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 2000. 400 с.

12. Виноградов В.В. О языке художественной литературы. М.: Гослиздат, 1959. 655 с.

13. Виноградов В.В. О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980. 360 с.

14. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. Вып. 1. С. 64–72.

15. Голева Н.Д., Лебедева Н.Б., Сайкова Н.В., Хомич Э.П. Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение: монография. Кемерово: Издательство БГПУ, 2006. 435 с.

16. Гончарова Е.А. Пути лингвостилистического выражения категорий автор-персонаж в художественном тексте. Томск: ТГУ, 1984. 151 с.

17. Гордеева Н.М. Речевой портрет и способы его описания. [Электронный ресурс]. 2009. URL: <http://www.hqlib.ru/st.php?n=101> (дата обращения: 03. 02. 2018).

18. Гуляева Е.В. Лингвокультурный типаж «американский адвокат»: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Волгоград, 2009. 176 с.

19. Дедова О.М. Речевое воздействие в коммуникативной ситуации «врач-больной» // Культура общения и ее формирование: Мат-лы VI Регион. науч.-метод. конф. Воронеж: Истоки, 1999. Вып. 6. С. 77–79.

20. Дубах Т.М. Речевой портрет персонажей малой прозы А. Шницлера // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Грамота. 2014. № 8. С. 61–64.

21. Дэлби Л. Гейша. СПб: Амфора, 2010. 408 с.

22. Еремина С.А., Потысьева А.Н. Речевой портрет депутата Евгения Ройзмана // Политическая лингвистика. 2005. №15. С. 66–71.
23. Земская Е.А. Речевой портрет ребенка // Язык: система и подсистемы: сб. в честь 70-летия М.В. Панова. М.: Ин-т русского языка АН СССР, 1990. С. 241–260.
24. Земская Е.А. Язык русского зарубежья: общие вопросы и речевые портреты. М.: Языки славянской культуры, 2001. 496 с.
25. Иванцева И.В. Проблемы формирования методологических основ лингвоперсонологии // Вестник ТомГУ. Сер. Филология. 2008. № 3(4). С. 27–43.
26. Ивасаки М. Настоящие мемуары гейши. СПб: Амфора 2007, 350 с.
27. Икуко. «Просто выглядеть красивой недостаточно» [Электронный ресурс] // Japan Mainichi, 31.10.2009. URL: <http://news.leit.ru/archives/4829> (дата обращения 09.09.17).
28. Иссерс О.С. Коммуникативный портрет языковой личности (на примере писем Сергея Довлатова) // Русистика сегодня. 2000. № 1–4. С. 63–75.
29. Карасик В.И., Дмитриева О.А. Лингвокультурный типаж: к определению понятия // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типаж: сб. науч. тр. / под ред. В.И. Карасика. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 5–25.
30. Караулов Ю.Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения // Язык и личность. 1989. С. 3–8.
31. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 264 с.
32. Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Русский речевой портрет. Фонохрестоматия. М.: Наука, 1995. 128 с.
33. Коровина А.Ю. Лингвокультурный типаж «английский сноб»: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Волгоград, 2008. 226 с.
34. Крысин Л.П. Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета // Русский язык в научном освещении. 2001. №1. С. 90–106.

35. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века. М.: РГГУ, 1995. С. 144–238.

36. Кудрявцева Е.Э. Языковая личность в процессе лингвообразовательной подготовки специалиста // Иностранный языки: лингвистический и методический аспекты: Межвузовский сборник научных трудов [Электронный ресурс]. URL: http://elibrary.sgu.ru/uch_lit/536.pdf (дата обращения: 03.02.2018).

37. Леорда С.В. Речевой портрет современного студента. автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Саратов, 2006. 48 с.

38. Максимов Б.К. Речевой портрет молодежи на фоне нашей жизни // Русский язык и современность 2001. № 2. С. 45–54.

39. Мамаева С.В. Речевой портрет коллективной языковой личности школьников 5-7-х классов: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Лесосибирск, 2007. 202 с.

40. Матвеева Г.Г. Скрытые грамматические значения и идентификация социального лица («портрета») говорящего: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. СПб., 1993. 264 с.

41. Милехина Т.А. Речевой портрет бизнесмена // Современный русский язык. Социальная и функциональная дифференциация. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 515–526.

42. Михайлюк Ю.В. Экспрессивные синтаксические конструкции как основные параметры речевого портрета школьника // Научная мысль Кавказа. 2013. №1. С. 151–155.

43. Николаева Т.М. «Социолингвистический портрет» и методы его описания // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики: Доклады Всесоюзной научной конференции. М.: ИРЯЗ, 1991. С. 73–75.

44. Палойко Л. В. Речевой портрет персонажа как предмет лингвопоэтического анализа (на материале романов Д. дю Морье «Ребекка» и

С. Хилл «Миссис де Уинтер») // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности. НГЛУ. 2013. Вып. 1. С. 274–281.

45. Панов М. В. История русского литературного произношения XVIII-XXвв. М.: УРСС, 2002. 456 с.

46. Пономаренко И. В. Фрагменты коллективного речевого портрета современного студента: на материале синтаксиса: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Таганрог, 2007. 283 с.

47. Попова С. В. Лингвокультурный типаж «школьная учительница»: субъектное позиционирование: автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.19. Волгоград, 2012. 21 с.

48. Розенталь Д. Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: Просвещение, 1985. 399 с.

49. Романова Т. В. Коммуникативный имидж и речевой портрет современного политика // Политическая лингвистика. 2009. Вып. 27. С. 109–117.

50. Седов К. Ф. Структура устного дискурса и становление языковой личности: Грамматический и прагмалингвистический аспекты. Саратов: Изд-во Саратов. пед. ин-та, 1998. 111 с.

51. Седых А. П. Французская языковая личность. Когнитивно-коммуникативный аспект: моногр. Белгород, 2013. 244 с.

52. Седых А. П. Французский мир и языковая личность // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. Том 11. Вып. 18 (113). С. 85–89.

53. Сергеева О. В. Языковая личность педагога в статике и динамике // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2013. Вып.1 (114). С. 102–104.

54. Сокольская А. Н. Речевой портрет Г. Д. Гачева // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. РГПУ им. А.И. Герцена. 2007. Т. 17. С. 312–315.

55. Старцева Т. В. Когнитивное моделирование лингвокультурного типажа EMIGRANT: на материале ирландской литературы XX-XXI в.: автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.19. Кемерово, 2012. 21 с.
56. Стаценко В. В. Фрагмент группового речевого портрета старшего дошкольника (на материале синтаксиса) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. Вып. 49. С. 369–372.
57. Стаценко В. В. Фрагмент речевого портрета старшего дошкольника: на материале синтаксиса устной речи: дис. канд. филол. наук: 10.02.01. Таганрог, 2007. 301 с.
58. Тарасенко Е. В. Фрагменты речевого портрета младшего школьника: на материале синтаксиса: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Таганрог, 2005. 189 с.
59. Тарасенко Т. П. Языковая личность старшеклассника в аспекте ее речевых реализаций (на материале данных ассоциативного эксперимента и социолекта школьников Краснодара): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Краснодар, 2007. 48 с.
60. Терентьева Е. В. Речевой портрет современного носителя донских медведицких говоров Волгоградской области // Вестник Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2, Языкознание. 2012. № 2 (12). С 162–167.
61. Шильникова И. С. Когнитивное моделирование лингвокультурного типажа The Man of Property (на материале цикла Д.Голсуорси): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Иркутск, 2010. 245 с.
62. Щеглова И. В. Лингвокультурный типаж «чиновник» (на материале русского языка): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Волгоград, 2010. 170 с.
63. Юдина Н. В., Кузнецова Е. А. Языковой портрет современного финансиста: учебник для бакалавров. М.: Финансовый университет, 2016. 280 с.

64. Японско-японский словарь Sanseido [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sanseido.net/> (дата обращения 12.10.17).
65. Ярмахова Е. А. Лингвокультурный типаж «английский чудак»: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Волгоград, 2005. 191 с.
66. Hoffmann L. Kommunikationsmittel. Fachsprache. Eine Einführung. Berlin: Akademie Verlag, 1976. 498 p.
67. Ueno M. How to Enjoy Ozashiki Asobi For Beginners [Электронный ресурс] // Wow! Japan, 2016. URL: https://wow-j.com/en/Allguides/other/tips_manners/00265_en/ (дата обращения 08.09.17).
68. 七色、外国人の考える芸者と花魁とは? The geisha and the oiran a foreigner thinks? [Электронный ресурс] // Nanairo, Tokyo, 2015. URL: <http://nana-iro.tokyo/contents/theme01/contents03> (дата обращения 15.09.17).
69. 七色、芸者と芸妓・舞妓の違い [Электронный ресурс] // Nanairo, Tokyo, 2015. URL: <http://nana-iro.tokyo/column/theme02/column04> (дата обращения 09.09.17). [Нанаиро. В чем различие гейши, гэйко и майко?].
70. 井上史雄、日本列島方言叢書。ゆまに書房、1995。488 p. [Иноуэ Ф. Диалекты японского архипелага].
71. 岸江信介、井上文子、京都市方言の動態。近畿方言研究会: 1997。161 p. [Кисиэ С., Иноуэ Ф. Динамика развития диалекта Киото].
72. 暖簾一郎、“芸者”（芸妓、舞妓？）知っていますか？ [Электронный ресурс] // Norenjapan, 2016. URL: http://norenjapan.jp/tradition_history_culture/geisha/ (дата обращения 13.09.17). [Итиро Н. Знаете ли вы, кто такая «гейша» (гэйко, майко)?].
73. 榎垣実、京都方言 // 『国語学』、1950。第4輯。P. 26-38. [Умэгики М. Диалект Киото].

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра восточных языков
45.03.02 Лингвистика

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой ВЯ
Е.В. Беляева
« 22 » июня 2018 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА
КОЛЛЕКТИВНЫЙ РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ ГЕЙШИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ИНТЕРВЬЮ)

Выпускник

Н.С. Гусева

Научный руководитель

ст. преп. И.А. Рабцевич

Консультант

канд. филол. наук,
доц. Е.В. Чистова

Нормоконтролер

А. П. Мутасова

Красноярск 2018